

© 2005 Л.В. Бурыкина
УДК 94 (470.6)
ББК 63.3 (235.7) 521.1 – 3
Ф 91

Крестьянская миграция на Северо-Западный Кавказ в 20-е – 50-е гг. XIX в.

Аннотация:

В статье анализируется процесс миграции крестьян из центральных и южных районов Российской империи на Северо-Западный Кавказ в 20-е – 50-е гг. XIX в. Автор подчеркивает, что переселение крестьян не только закладывало фундамент для будущего экономического благополучия региона, но и способствовало ослаблению аграрного кризиса в других частях страны.

Ключевые слова:

Северо-Западный Кавказ, миграция, адыги, «государственные крестьяне», крепостные крестьяне, гражданская колонизация, иногородние.

Для крестьян центральных и южных районов России Северо-Западный Кавказ был большой приманкой. Малоземелье, неурожай хлеба, растущий гнет со стороны государства и помещиков, гонения официальной церкви побуждали крестьян искать на окраинах страны облегчения своего положения. В народных толках, сопутствующих массовым переселениям, которые походили на бегство и сплошь и рядом были несанкционированными, содержались рассказы о государственных льготах для переселенцев: крестьяне чувствовали, что делали сто-то необходимое для государства. Верно заметил С.Н. Южаков: «нигде русское движение не было исключительно военным, но всегда всюду вместе с тем и земледельческим»¹.

По свидетельству Л.М. Мельникова, «чуть ли не одновременно с возникновением на берегах Кубани бывшего Черноморского войска, ставшего потом главной составной частью Кубанского войска, иногородние проникли в этот почти пустынный край в качестве ремесленников, торговцев, наконец, простых чернорабочих в области земледелия, скотоводства и рыболовства»².

Иногородними называли тех, кто, не будучи приписан к казачьему сословию, жил на войсковой территории либо постоянно, либо временно, в качестве сезонных работников. Однако прилив в этот край пришло население до окончания Кавказской войны был незначительным. Во-первых, адыги не хотели примириться с мыслью о том, что их независимости может прийти конец и воспрепятствовали формированию российских поселений на их землях. Во-вторых, существовавшее в России крепостное право являлось серьезным препятствием свободному притоку в регион иногороднего населения. Тем не менее находились смельчаки, решавшиеся противозаконным путем свергнуть с себя крепостную зависимость.

Переселение является важнейшим орудием колонизации³. Можно утверждать, что в большинстве случаев переселений имеется сложное переплетение всевозможных мотивов, поводов, причин ближайших и более отдаленных, из которых далеко не все осознаются самими переселенцами⁴. Прибавление населения всегда

ведет к усилению развития труда и производительных сил в осваиваемом регионе. Государственные крестьяне внесли свою лепту в процесс заселения и освоения территории Северо-Западного Кавказа. Они занимали промежуточное положение между крепостным и свободным населением. Считаясь лично свободными, государственные крестьяне фактически полностью оставались зависимыми от государства: за пользование землей они платили феодальную ренту⁵. Термин «государственные крестьяне» впервые появился в 1724 г. Он объединял различные сословные группы: черносошных крестьян, экономических, удельных, однодворцев, отставных солдат и т.д. Даже к 1858 г. к категории государственных крестьян относились 23 подгруппы, одной из которых были собственно государственные крестьяне, поглотившие 39 ранее существовавших других подгрупп⁶. Именно государственное крестьянство отличалось наибольшей сословной подвижностью. Оно пополняло численность черноморского и кавказского линейного казачества и сыграло решающую роль в формировании городских сословий края.

Следует подчеркнуть, что межсословное движение переселенцев и населения Черноморья превосходило по масштабам уровень сословной мобильности населения России в целом. Это явилось результатом политики царизма, направленной на расширение военно-казачьей колонизации Северо-Западного Кавказа за счет зачисления в казаки государственных крестьян. Так, в 1823 г. по решению правительства в Кавказское линейное казачье войско было зачислено 2244 души мужского пола государственных крестьян⁷, что увеличило численность войска до 28325 человек. С массовым переселением украинцев в Черноморье только в 1849 г. в казаки было приписано 1274 души мужского пола и 1079 душ женского пола государственных крестьян Полтавской губернии⁸.

В процессе широкого межсословного движения кроме государственных крестьян участвовали крепостные крестьяне и отставные солдаты. В Черноморье процент крепостных был минимальный. Если в 1810 г. крепостных в крае было 0,1 % от всего мужского населения⁹, то через 40 лет число крепостных составило 0,6 %¹⁰. Владельцами

крепостных здесь выступала казачья верхушка, получившая вместе с армейскими чинами права потомственных дворян. Несмотря на то, что юридически казачье офицерство не владело землей на правах собственности, а следовательно, и не имело права иметь крепостных, численность крепостных в Черномории возрастала.

Увеличение казачьего населения региона потребовало от российского правительства решения вопроса об обеспечении его жителей продовольствием, который можно было разрешить только с помощью развития земледелия в заселяемых казаками районах. Достижение этой цели правительство видело в планомерной гражданской колонизации края. Оно стало щедро раздавать казенные земли Черномории помещикам, при условии, что те заселят их своими крепостными крестьянами. Так называемая «дворянская колонизация» достигла в регионе определенных результатов, так как имелись значительные массивы неиспользуемых плодородных земель. Кроме того, около 40 русских и украинских поселений в крае были основаны по приказу правительства «казенными» поселянами, прибывающими из внутренних губерний России, и отставными солдатами¹¹.

Так, селение Новорожественское было основано в 1797 г. «на пустопорожней казенной земле из переселенцев – государственных крестьян Курской, Харьковской, Воронежской, Екатеринославской губерний»¹². Станица Николаевская, расположенная на правом берегу Кубани, построена в 1822 г. и заселена жителями селения Николаевского, которое находилось в тридцати верстах от нее. При основании станицы Николаевской в ней было водворено 150 семейств донских казаков¹³. Станица Расшеватская, расположенная в 175 верстах от г. Екатеринодара по обоим берегам реки Расшеватки, в 1801 г. была заселена крестьянами-выходцами из Орловской губернии Елецкого уезда, Воронежской губернии сел Хохла и Турова и Курской губернии¹⁴. Главным занятием жителей являлось земледелие и скотоводство. Кроме того, каждая женщина занималась ткацким производством для своей семьи¹⁵. Указом Николая I от 28 декабря 1832 г. крестьяне станицы Расшеватской с первого января 1833 г. были обращены в казаков для усиления военных сил Кавказского линейного войска.

Были случаи и перехода на российскую сторону и адыгских крестьян, искавших свободы от власти своих владельцев, занимавших враждебную по отношению к русским позицию¹⁶. В целях удержания переселенцев на контролируемых российскими властями территорий, предпринимались шаги по ограничению их контактов с «немирными» соплеменниками. Например, жителям Гривенского аула и селения Ады в Черномории запрещалось выдавать дочерей замуж в Закубанье¹⁷. Горцев старались отселить подальше от их непокорных земляков, опасаясь их участия в набегах¹⁸. Впрочем, такие запретительные меры касались и русского населения¹⁹. Известно немало примеров побегов солдат, казаков и крестьян к горцам в силу самых разных обстоятельств, и решить эту проблему правительству так и не удалось²⁰.

Недостаток в рабочих руках и обширное скотоводческое хозяйство привлекали ежегодно в Черноморию массу свободного рабочего люда на заработки. Многие из прибывших в край сельскохозяйственных рабочих по окончании полевых

работ оставались здесь на зиму, а затем и на постоянное жительство²¹. К началу 30-х годов выяснилось, что в юртах некоторых станиц Черномории иногородние не только живут оседло, имеют дома и хозяйственные постройки, но и пользуются всеми предоставленными казакам выгодами: хлебопашеством, сенокосением, рыбной ловлей и прочим, без несения каких бы то ни было повинностей в пользу войска. Такими лицами первоначально были родственники зачисленных в казаки лиц или женившиеся на казачьих вдовах и девицах. Войсковое правительство стало энергично бороться против этого «зла», защищая права и привилегии казачества. Было предписано всем иногородним распродать свою недвижимость в шестимесячный срок²².

Положение иногородних было тяжелым, так как они оставались фактически бесправными в экономической и политической областях. Так из поручения генерал-лейтенанта Заводовского от 19 мая 1849 г. известно, что в Черномории «с посторонних людей, пользующихся сенокосением на казачьих землях», берут плату два рубля серебром за стог сена²³. Иногородним запрещалось пользоваться всякими угодьями и обзаводиться постройками на войсковой земле²⁴. За пастьбу скота на пастбищах в пределах войска с них взималась пошлинная сумма²⁵. Иногородним воспрещалось заниматься распашкой земли²⁶, пользоваться войсковыми выгонами²⁷.

Войсковое правительство регулярно проводило розыск лиц, не принадлежавших к казачьему сословию и высылало на прежнее место жительства помещичьих крестьян. Так, в 1860 г. было предписано разыскать и «немедленно выслать установленным порядком» крестьянина Бородина и его сына Илью²⁸. В сентябре 1860 г. в станицах шестой бригады проживало 163 человека из «посторонних лиц». Это были государственные крестьяне, мещане, купцы, отставные солдаты, два помещичьих крестьянина²⁹. В феврале 1861 г. в станицах четвертой бригады Кубанского казачьего войска проживало 30 человек «посторонних лиц»: государственные крестьяне и отставные солдаты³⁰.

Отставным нижним чинам регулярных войск, служившим на Кавказе, как и другим невойсковым жителям, было воспрещено водворяться на войсковой земле и без разрешения обзаводиться какой-либо недвижимостью и заниматься скотоводством. Они могли зачисляться в казачье сословие с разрешения войскового начальства, обязуясь приписываться в казаки навсегда и с потомством³¹.

Но несмотря на особые правила об отставных нижних чинах регулярных войск, к 1843 г. оказалось, что многие из последних, оставшихся в Черномории после отставки и женившихся на казачьих вдовах и девицах, обзавелись уже оседлостью и хозяйством.

Некоторые же из отставных солдат, привыкнув к месту за время долголетней солдатской службы, оставались жить в той же местности. Для них начальством отводилось особое место на принадлежавшей к крепости земле. Постепенно при каждой крепости по Кавказской линии образовывались из отставных нижних чинов форштадты, к которым присоединялись другие лица невойскового сословия. Жители форштадтов подчинялись войсковому крепостному начальству и не отбывали никаких повинностей. Источником их существования являлись доставка дров и различных продуктов для

крепостей. Кроме того, они занимались хозяйством на отведенной им в пользование бесплатно земле при крепостях.

Однако с упразднением крепостей жителям форштадтов было предложено либо зачислиться в казачье сословие и переселиться на передовые линии, либо расселиться по малолюдным станицам. В Усть-Лабинской, Кавказской, Прочно-Окопской, Темнолесской крепостях и Усть-Джегутинском, Хумаринском редутах и редуте святого Николая проживало 3101 лицо воинского звания и 503 лица гражданского ведомства³².

В 1859 г., когда возникла острая потребность, иногородних, проживавших в войске Черноморском и «временно призванных на службу для укрепления границы, а равно и для участия в экспедициях против горцев», распоряжением войскового начальства стали содержать наравне со служащими природными казаками³³. Безусловно, подобное «равенство» стало возможным только в период необходимости.

Одной из главных причин, побуждавших российскую администрацию усиливать темпы колонизации, была нарастающая военная напряженность в регионе, которая подталкивала к переводу на Северо-Западный Кавказ все новых переселенцев, размещавшихся в стратегически важных точках Кавказской линии, Черномории и Закубанья. Но все это, в свою очередь, приводило к стеснению автохтонного населения и раскручивало новый виток эскалации Кавказской войны³⁴.

Продолжавшееся переселение на Северо-Западный Кавказ крестьян из центральных губерний Российской империи не только закладывало фундамент для будущего экономического благополучия региона, но и способствовало ослаблению аграрного кризиса в других частях страны.

Примечания:

¹ Южаков С.Н. *Англо-русская распря*. – СПб., 1885. – С. 57.

² Мельников Л.М. *Иногородние в Кубанской области. Исторический очерк*. // *Кубанский сборник*. – Екатеринодар, 1900. – Т. 6. – С. 73.

³ Гинс Г. *Переселение и колонизация*. – СПб., 1913. – Вып. 1. – С. 4.

⁴ Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. *Этнические миграции на Кубани: история и современность*. – Краснодар, 2003. – С. 19.

⁵ Дружинин Н.М. *Государственные крестьяне и реформы* П.Д. Киселева. – М., – Л., 1946. – Т. 1. – С. 25.

⁶ Водарский Я.Е. *Население России за 400 лет (XVI – начало XX века)*. – М., 1973. – С. 62.

⁷ *Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ): Собр. 1-е*. – Т. 38. – Ст. 29682.

⁸ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 1897. Л. 175.

⁹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1891. Л. 25.

¹⁰ Там же. Л. 26.

¹¹ Заседателева Л.Б. *Восточные славяне на Северном Кавказе в середине XVI – начале XX века (динамика этнокультурных процессов)*: Дис. докт. ист. наук в форме научного доклада. – М., 1996. – С. 15.

¹² Черный К.Н. *Ейский уезд (Статистическое описание)*. // *Кубанский сборник*. – Екатеринодар, 1883. – Т. 1. – С. 344.

¹³ Арканников Ф.Ф. *Николаевская станица (Статистико-этнографическое описание)*. // *Кубанский сборник*. – Екатеринодар, 1883. – Т. 1. – С. 556-558.

¹⁴ Живило К. *Станица Расшеватская, Кубанской области, Кавказского уезда*. // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. – Тифлис, 1888. – Вып. 6. – Отд. 1. – С. 47.

¹⁵ *Промысловые занятия в некоторых населенных пунктах Терской и Кубанской областей*. // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. – Тифлис, 1889. – Вып. 8. – С. 297.

¹⁶ Керашев А.Т. *Беглые адыги в России в XVIII – 60-х гг. XIX в.* // *Культура и быт адыгов (этнографические исследования)*. – Майкоп, 1991. – Вып. VIII. – С. 227-245.

¹⁷ ГАКК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 1325. Л. 2-4.

¹⁸ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13454. Оп. 2. Д. 35. Л. 3.

¹⁹ Ламонов А.Д. *Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска и жизни её с 1794 по 1914 г.* // *Кубанский сборник*. – Екатеринодар, 1914. – Т. 19. – С. 473.

²⁰ Косвен М.О. *Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы*. – М., 1961. – С. 254-258.

²¹ Городецкий Б.М. *Крестьянское землевладение и землеустроительные работы в Таманском отделе Кубанской области. Статистико-экономический очерк*. // *Кубанский сборник*. – Екатеринодар, 1912. – Т. 17. – С. 293.

²² Шамрай В.С. *Историческая справка об иногородних в Кубанской области по документам, извлеченным из дел Кубанского войскового Архива*. // *Кубанский сборник*. – Екатеринодар, 1901. – Т. 7. – С. 79.

²³ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1877. Лл. 19, 19 об.

²⁴ ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 1848. Л. 243, 243 об.; Ф. 252. Оп. 1. Д. 149. Лл. 179, 179 об.

²⁵ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 1047. Лл. 85, 85 об.

²⁶ ГАКК. Ф. 350. Оп. 1. Д. 238. Лл. 1, 1 об.

²⁷ Там же. Д. 126. Лл. 1, 1 об.

²⁸ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 148. Лл. 1, 1 об.

²⁹ Там же. Лл. 54, 54 об., 55, 55 об., 68, 68 об.

³⁰ Там же. Лл. 71, 71 об., 101, 101 об.

³¹ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 872. Л. 1.; Ф. 259. Оп. 1. Д. 11. Лл. 1, 1 об.

³² Шамрай В.С. – Указ. соч. – С. 84.

³³ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1917. Л. 2, 2 об.

³⁴ Клычников Ю.Ю. *Российская политика на Северном Кавказе (1827 – 1840 гг.)*. – Пятигорск, 2002. – С. 222.